



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ТЕСЛЕНКО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 55528/08)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

20 декабря 2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Может подвергаться редакторской правке.

По делу «Тесленко против Украины»,
Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседавая в составе:

Dean Spielmann, *Председатель,*

Elisabet Fura,

Karel Jungwiert,

Boštjan M. Zupančič,

Mark Villiger,

Ganna Yudkivska,

Angelika Nußberger, *судьи,*

и Claudia Westerdiek, *Секретарь секции,*

Рассмотрев дело в закрытом заседании 29 ноября 2011 года,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№55528/08) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Украины г-ном Анатолием Григорьевичем Тесленко (далее – «заявитель») 31 октября 2008 года.

2. Заявителя представляла г-жа Зоя Шевченко, адвокат, практикующий в Киеве. Украинское правительство (далее – «Правительство») представляли его уполномоченные, г-н Юрий Зайцев, а затем г-жа Валерия Лутковская.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он подвергся пыткам со стороны милиции и что национальные власти не расследовали должным образом его жалобы в этой связи.

4. 10 марта 2010 года Председатель Пятой секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Суд также постановил изучить приемлемость заявления одновременно с его рассмотрением по существу (статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1974 году. Его нынешнее место жительства неизвестно.

А. Предшествующие события

6. 4 августа и 5 ноября 2003 г-жа З. и г-жа Г. были ограблены в их квартирах. Первое разбойное нападение произошло в доме, где жила знакомая заявителя г-жа М., а вторая потерпевшая была ее дальней родственницей.

7. 5 ноября 2003 года милиция допросила г-жу М., которую подозревала одна из пострадавших. Она заявила, что оба разбойных нападения были совершены заявителем и его друзьями.

8. 8 ноября 2003 года г-жа М. была госпитализирована с черепно-мозговой травмой и сотрясением мозга. 10 ноября 2003 года она пожаловалась в Министерство внутренних дел, что сотрудники милиции вынудили ее дать показания против заявителя. После этого г-жа М. скрылась от органов власти. Позднее ее жалоба была рассмотрена в рамках судебного рассмотрения дела заявителя (см. пункт 14 ниже).

В. Уголовное дело относительно заявителя

9. Поздно вечером 5 ноября или в ночь на 6 ноября 2003 года заявитель был задержан милицией по подозрению в разбое относительно г-жи З. и г-жи Г. Его арест был оформлен документально 6 ноября 2003 года.

10. 2 июня 2004 года суд Соломянского района г. Киева (далее - «Соломянский суд») выделил в отдельное производство материалы дела по обвинению в разбое относительно г-жи З. и направил дело в этой части на дополнительное расследование. Исход этого расследования неизвестен.

11. Хотя неизвестно, когда заявителю было обеспечено юридическое представительство, из вышеупомянутого постановления от 2 июня 2004 года, а также последующих судебных решений следует, что с этого момента один или иногда два адвоката представляли его в судебном разбирательстве.

12. Хотя заявитель последовательно отрицал свою вину, как во время предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, 11 ноября 2004 года Соломянский суд признал его виновным в разбое относительно г-жи Г. и приговорил его к семи годам и шести месяцам лишения свободы с конфискацией всего его личного имущества. Суд основывался на показаниях потерпевшей, которая опознала заявителя в качестве одного из преступников, а также показаний свидетеля, который видел его вблизи места преступления примерно во время грабежа. Кроме того, суд опирался на показания, данные г-жой М. во время досудебного следствия. Были также заслушаны показания двух свидетелей защиты, в соответствии с

которыми заявитель провел с ними целый день 5 ноября 2003 года, но суд не поверил этим показаниям, сочтя, что они носят слишком общий характер и являются противоречивыми.

13. 24 мая 2005 года апелляционный суд г. Киева (далее – «Апелляционный суд») отменил это решение и направил дело на дополнительное расследование, указав на ряд процессуальных недостатков.

14. 22 мая 2007 Соломянский суд вынес новый приговор, в резолютивной части идентичный предыдущему. Суд дополнительно заслушал ряд свидетелей защиты, которые показали, что они либо провели целый день 5 ноября 2003 года в компании заявителя, либо видели его в разное время в этот день. Суд решил, однако, что эти показания были либо ложными, потому что свидетели были друзьями заявителя и хотели помочь ему избежать уголовной ответственности, либо не привязанными к точному времени, когда был совершен грабёж. Г-жа М. была допрошена в ходе судебного разбирательства и отказалась от своих предыдущих показаний, изобличающих заявителя, утверждая, что эти показания были даны под принуждением. Однако суд решил опираться на ее предыдущие показания, как более правдоподобные и согласующиеся с другими фактами. Суд отметил, в частности, что она попросила провести медицинское освидетельствование только через два дня после ее допроса милицией, и что нет никаких доказательств того, что выявленные травмы были нанесены ей в отделении милиции. Хотя г-жа М. утверждала, что она скрывалась из страха перед местью со стороны сотрудников милиции, суд посчитал более вероятным, что на самом деле она боялась, что ей могут отомстить сообщники заявителя, которые остались на свободе.

15. 5 февраля и 9 июня 2008 года Апелляционный суд и Верховный суд соответственно оставили в силе вышеупомянутый приговор.

16. 12 августа 2009 года заявитель был освобожден условно-досрочно.

С. Жалобы заявителя на жестокое обращение и их расследование

17. По словам заявителя, в ночь с 5 на 6 ноября 2003 года начальник и заместитель начальника отдела уголовного розыска Соломянского РУ ГУ МВД Украины в г. Киеве, сотрудники милиции Т. и З., подвергли его пыткам в отделении милиции на Повитрофлотском проспекте. Они требовали от него признательных показаний по нескольким фактам разбойных нападений, но не получили таких показаний.

18. По утверждению заявителя, Т. и З. избивали его кулаками и ногами, заставляли стоять в течение длительного времени с широко

расставленными ногами, пытались вставить дубинку в его анус, и надевали на его голову полиэтиленовый пакет, который не позволял ему дышать. В ночь на 6 ноября 2003 года они отвели заявителя в гараж отделения милиции, где заставили его раздеться догола, приковали наручниками к радиатору и обливали холодной водой из шланга автомойки, пока он не потерял сознание. После того, как заявитель пришел в сознание, он обнаружил, что находится в отделении милиции, ему дали кружку горячей воды для питья и какие-то капли.

19. 6 ноября 2003 года заявитель написал «объяснительную записку», в которой он утверждал, что он случайно упал на улице предыдущим вечером и в результате получил некоторые повреждения. Он подчеркнул, что не имеет жалоб на действия милиции.

20. Во второй половине дня 6 ноября 2003 года заявитель был доставлен в территориальное управление милиции № 4 (далее – «ТУМ-4») на улице Шутова, Соломянский район.

21. 11 ноября 2003 года мать заявителя подала жалобу омбудсмену, что ее сын подвергся жестокому обращению в милиции.

22. 12 ноября 2003 года представители омбудсмана посетили заявителя в ТУМ-4 и сфотографировали его травмы. Заявитель представил Суду семь цветных фотографий, которые, по его словам, были сделаны представителями омбудсмана. На этих фотографиях видны следующие телесные повреждения заявителя: большой синяк на внутренней стороне левого бедра, значительное количество синяков на верхней части обеих ягодиц, несколько ссадин и синяков на передней части обеих лодыжек, и ссадины на переносице. На фотографиях указана дата 12 ноября 2003 года.

23. В тот же день заявитель описал представителям омбудсмана события 5-6 ноября в письменной форме. Он утверждал, что 6 ноября 2003 года его вынудили написать, что у него нет жалоб на действия милиции.

24. 13 ноября 2003 года омбудсмен указал Министерству внутренних дел, что ситуация заявителя требует расследования.

25. В тот же день врач осмотрел заявителя и зафиксировал шестнадцать синяков на его лице, руках, ягодицах и ногах (самый обширный – 21x20 сантиметров), а также ссадины на запястьях и ступнях. Он пришел к выводу, что повреждения не были тяжелыми, и что они были нанесены тупыми предметами, возможно, 5 или 6 ноября 2003 года.

26. 17 ноября 2003 года следователь ТУМ-4 и начальник инспекции по личному составу Киевского управления милиции допросил заявителя о заявленном жестоком обращении с ним.

27. 21 ноября 2003 другой следователь ТУМ-4 назначил еще одну судебно-медицинскую экспертизу, которая должна была ответить на

следующие вопросы: имеются ли у заявителя какие-либо телесные повреждения, и, если да, то как они были нанесены; могли ли эти телесные повреждения быть нанесены 5 или 6 ноября 2003 года; и насколько тяжкими они являются.

28. 25 декабря 2003 года Соломянская районная прокуратура (далее - «СРП») возбудила уголовное дело, без указания конкретных лиц, по обвинению сотрудников Соломянского районного отделения милиции в превышении их полномочий в связи с их участием в жестоком и унижающем достоинство обращении с заявителем. Расследование было поручено следователю СРП г-ну Н.

29. 26 января 2004 года новая судебно-медицинская экспертиза подтвердила результаты медицинской экспертизы заявителя от 13 ноября 2003 года.

30. 9 февраля 2004 года следователь назначил еще одну медицинскую экспертизу, чтобы выяснить: мог ли заявитель нанести телесные повреждения сам себе; мог ли он получить эти телесные повреждения вследствие падения; каково было положение его тела во время нанесения телесных повреждений; и мог ли он получить телесные повреждения при самообороне.

31. 12 февраля 2004 года эксперты в своем заключении ответили на эти вопросы следующим образом: телесные повреждения находились на таких участках тела заявителя, где их самостоятельное причинение было возможным; то, что они были результатом падения, исключено; а на оставшиеся два вопроса ответить невозможно.

32. 11 февраля 2004 года заявителю был присвоен статус потерпевшего.

33. 6 апреля 2004 года следователь допросил судебно-медицинского эксперта, который подтвердил, что заявитель мог поручить травмы во время и при обстоятельствах, описанных им.

34. 20 апреля 2004 СРП возбудила уголовное дело в отношении сотрудников милиции З. и Т. по подозрению в превышении власти, которое сопровождалось насилием и такими, что обижают личное достоинство пострадавшего, действиями (статья 365 § 2 Уголовного кодекса), учитывая, что заявитель опознал в них тех сотрудников милиции, которые якобы пытали его.

35. В тот же день эти сотрудники были отстранены от своих служебных обязанностей.

36. 30 апреля 2004 года им были предъявлены обвинения, и дело было направлено в суд Голосеевского района г. Киева (далее – «Голосеевский суд»).

37. 9 августа 2004 Голосеевский суд поручил СРП выяснить, с кем заявитель находился в одной камере с 6 по 12 ноября 2003 года, и допросить этих лиц.

38. 20 октября 2004 года суд направил дело обратно в СРП на дополнительное расследование, которое должно было выяснить происхождение телесных повреждений заявителя, учитывая, что, с одной стороны, они находились на участках тела, где он мог нанести их себе сам, и, с другой стороны, его сокамерники на тот момент еще не были идентифицированы или допрошены.

39. 22 января 2005 года судебно-медицинский эксперт, неоднократно допрошенный следователем, еще раз подтвердил сделанные им ранее выводы, что телесные повреждения заявителя могли быть получены им так, как он описал.

40. 8 февраля 2005 года Т. и З. были предъявлены официальные обвинения в соответствии со статьей 365 § 2 Уголовного кодекса.

41. 18 февраля 2005 года СРП предложила начальнику милиции Киева рассмотреть вопрос об отстранении Т., который к тому времени возобновил свою работу в качестве сотрудника милиции, от служебных обязанностей.

42. 25 марта 2005 года СРП вынесла обвинительное заключение в отношении Т. и З. и передала дело на рассмотрение в Голосеевский суд.

43. 26 апреля 2005 года началось судебное разбирательство.

44. 16 мая 2005 года заявитель подал гражданский иск с требованием компенсации морального вреда в размере 200 000 украинских гривен.

45. 16 августа 2005 года Голосеевский суд признал Т. и З. виновными и приговорил их к четырем годам лишения свободы с запретом работать в правоохранительных органах в течение двух лет. Им была предоставлена отсрочка в два года. Суд также постановил, что ответчики должны выплатить заявителю 20 000 гривен в качестве компенсации морального вреда.

46. Хотя оба обвиняемых признались, что они допрашивали заявителя в ночь с 5 на 6 ноября 2003 года в отделении милиции на Повитрофлотском проспекте, они отрицали какое-либо насилие. Тем не менее, суд признал, что имеются достаточные доказательства для установления их вины. Он принял во внимание показания нескольких свидетелей, которые видели заявителя в день перед арестом без каких-либо видимых телесных повреждений. Кроме того, суд сослался на показания сокамерников заявителя в ТУМ-4 на улице Шутова (куда его поместили во второй половине дня 6 ноября 2003 года), которые, с одной стороны, видели многочисленные ушибы и раны на его теле, но, с другой стороны, отрицали какое-либо жестокое обращение в ТУМ-4. Кроме того, сотрудники милиции, которые сопровождали заявителя из отделения милиции на Повитрофлотском проспекте в ТУМ-4 6 ноября 2006 года, заявили, что к тому времени его лицо уже было в синяках и распухло. Суд также изучил фотографии заявителя, сделанные

представителями омбудсмана 12 ноября 2003 года, и результаты медицинских экспертиз от 26 января и 12 февраля 2004 года. Суд отметил, что описание заявителем гаража отделения милиции, где он якобы подвергся жестокому обращению, было очень подробным и впоследствии оказалось точным, что доказывает, что он действительно был там.

47. 13 февраля 2006 года Апелляционный суд отменил это решение и направил дело на дополнительное расследование. Он пришел к выводу, что расследование было неполным, в основном, так как оно не смогло установить, как именно заявитель получил телесные повреждения.

48. 22 марта 2006 года следователь СРП С. принял дело к своему производству.

49. 21 апреля 2006 года он постановил провести еще одну судебно-медицинскую экспертизу с целью уточнения количества, характера, расположения, происхождения и даты получения каждого из телесных повреждений заявителя.

50. 15 мая 2006 года эксперты подготовили заключение, в котором они подтвердили выводы предыдущих экспертиз. Кроме того, они уточнили, что ссадины на запястьях заявителя могли быть вызваны наручниками, а синяки могли быть получены вследствие ударов кулаками, ногами или дубинкой.

51. 24 июля 2006 года следователь поручил начальнику киевской милиции найти дубинку, которой мог быть избит заявитель. Ответ, полученный 27 июля 2006 года, гласил, что дубинку найти не удалось.

52. 25 июля 2006 года Т. был вновь отстранен от работы (когда он вернулся к работе после предыдущего отстранения, неизвестно).

53. 22 августа 2006 года следователь С. решил прекратить производство по делу. Он посчитал, что доказательная база ограничивается утверждениями заявителя и не подтверждается никакими другими вещественными доказательствами. Следователь обосновывал свое решение этой точкой зрения, и далее ссылался на принцип беспристрастности следствия.

54. В тот же день СРП отклонила это постановление по причине отсутствия правовой базы.

55. 27 марта 2007 года следователь обратился к заместителю генерального прокурора с запросом о продлении срока досудебного следствия до восьми месяцев (шестимесячный срок должен был истечь 7 апреля 2007 года), указав, что обвиняемый еще не изучил материалы дела. В своем запросе следователь, однако, отметил, что Т. и З. затягивали расследование, потратив неоправданно много времени на ознакомление с материалами дела и подавая необоснованные запросы о проведении ненужных розыскных мероприятий.

56. 16 июня 2007 года СРП снова предъявила обвинения Т. и З.

57. 30 июля 2007 Голосеевский суд начал рассмотрение дела.

58. 17 сентября 2007 года заявитель подал новый гражданский иск к Т. и З. в рамках уголовного дела.

59. В период с сентября 2007 года по март 2008 года суд откладывал судебные заседания в общей сложности восемь раз в течение трех месяцев из-за неявки некоторых свидетелей.

60. 7 марта 2008 года Голосеевский суд вновь направил дело на дополнительное расследование на следующих основаниях: в какой-то момент во время предварительного следствия адвокат подсудимых был лишен лицензии, но, тем не менее, продолжал представлять их интересы. В результате, суд посчитал, что право Т. и З. на защиту было нарушено.

61. 29 мая 2008 года Апелляционный суд отменил это решение и направил дело обратно в суд первой инстанции, удовлетворив апелляцию прокуратуры.

62. 10 июля 2009 года Голосеевский суд вынес частное определение, в котором он обращал внимание начальника киевской милиции на невыполнение им постановлений суда от 14 апреля, 20 мая и 19 июня 2009 года, требовавших обеспечить явку свидетелей. Постановления гласили, что милиция должна принять соответствующие меры и отчитаться перед судом.

63. 21 июля 2009 года заявитель написал следующее заявление на имя председателя Голосеевского суда:

«Я, Тесленко Анатолий Григорьевич, хочу сделать следующее заявление. Суд Голосеевского района г. Киева в настоящее время рассматривает дело в отношении начальника уголовного розыска [Т.] и [З.], в котором я являюсь потерпевшим. Я отказываюсь от показаний, данных мной в прокуратуре под давлением следователя, и в суде, а именно, что [Т. и З.] избивали и унижали меня. Следователь [Н.] потребовал, чтобы я опознал [Т. и З.]. Взамен он обещал, что я буду оправдан, и что сотрудники уголовного розыска будут привлечены к ответственности. Я вспомнил [Т.], потому что он был главным, и [З.], потому что он был в очках. Я смог опознать только этих двоих, так как я не мог, и сейчас не могу, вспомнить никаких других сотрудников. Я был избит на улице Шутова, № 3, поскольку им было нужно мое признание в разбое. Но я не помню ни одного из офицеров на [улице] Шутова, и мне посоветовали обвинить тех, кого я помнил. Когда следователь [Н.] пришел ко мне, я растерялся и не знал, что ему сказать. Но он меня успокоил и сказал, что мне не нужно беспокоиться, и что я должен дать показания против тех, кого я помню. Относительно того, что именно я должен был сказать и показать, он сказал, что поможет мне. В то же время, он пообещал, что если я последую его совету, я окажусь на свободе в ближайшее время. Мне очень трудно сейчас давать показания в суде, потому что я запутался в своих показаниях, поскольку мне их подсказал следователь [Н.]. Поэтому я прошу не беспокоить меня больше по делу [Т. и З.] и не вызывать меня в суд».

64. 18 сентября 2009 Голосеевский суд поручил следователю СРП установить фактическое место жительства двадцати двух свидетелей, чье присутствие было обязательным, но которые не явились, и

которых милиция не смогла доставить в зал суда. Десять из этих свидетелей были сотрудниками милиции, девять содержались (в то время) в отделении милиции, куда заявитель был доставлен 6 ноября 2003 года, двое были знакомыми заявителя, а один – судебно-медицинским экспертом.

65. 6 октября 2009 года Голосеевский суд также отдал распоряжение об обязательной явке заявителя, который был освобожден из тюрьмы в июле 2009 года и не являлся на слушания.

66. 19 октября 2009 года милиция сообщила суду, что фактическое место жительства заявителя невозможно установить.

67. 24 марта и 18 мая 2010 года суд отдал распоряжение об обязательной явке заявителя, которая должна была быть обеспечена милицией.

68. 24 июня 2010 года Голосеевский суд отправил дело на дополнительное расследование, в связи с необходимостью допросить заявителя о его заявлении от 21 июля 2009 года.

69. 20 сентября 2010 года Киевский апелляционный суд отменил вышеупомянутое решение и направил дело на рассмотрение в суд первой инстанции. Стороны не предоставили Суду копию этого постановления.

70. Согласно самой последней информации, предоставленной Правительством в феврале 2011 года, дело остается на рассмотрении Голосеевского суда.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

НАЦИОНАЛЬНОЕ

A. Уголовный Кодекс

71. Статья 365 § 2 в редакции от ноября 2003 года предусматривает лишение свободы на срок трех до восьми лет с запретом на занятие определенных должностей или занятие определенной деятельностью на срок до трех лет в качестве наказания за превышение служебных полномочий с применением насилия или унижающего достоинство обращения.

B. Доклад Уполномоченного по правам человека Верховной Рады Украины (омбудсмена) за 2003 год

72. Соответствующие части Раздела 3.3 гласят:

«... 11 ноября 2003 года мать задержанного А. Тесленко подала жалобу [омбудсмену], что ее сын подвергся пыткам в Соломянском отделении милиции г. Киева. Сотрудники секретариата омбудсмена проверили это утверждение на

месте и обнаружили на теле А. Тесленко многочисленные следы побоев (были сделаны фотографии).

А. Тесленко дал следующие объяснения сотрудникам секретариата омбудсмана: «Я подвергался пыткам в течение тринадцати часов в РОВД. Добиваясь от меня признания в совершении преступления, сотрудники милиции били меня, заставляли стоять с широко расставленными ногами (сажали на «шпагат»), мешали мне дышать, надевая мне на голову полиэтиленовый пакет, подвешивали меня голым в наручниках и обливали холодной водой в течение сорока минут, угрожая сделать из меня генерала Карбышева¹. Чтобы скрыть пытки, они заставили меня написать заявление, что я получил повреждения в результате случайного падения по пути домой накануне вечером, и что у меня нет жалоб на действия милиции».

Кстати, это типичный случай: сотрудники милиции часто заставляют жертвы пыток писать заявления об отсутствии жалоб под угрозой продолжения пыток или в обмен на освобождение. В дальнейшем [такие заявления] используются милицией в качестве ключевого доказательства своей невиновности в отношении каких-либо травм, нанесенных задержанному.

После собственного расследования и обращения омбудсмана в Генеральную прокуратуру в отношении проверки утверждений А. Тесленко, Соломянская районная прокуратура возбудила уголовное дело против сотрудников милиции, которое в настоящее время рассматривается судом Голосеевского района г. Киева...»

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

73. Заявитель жаловался, что 5-6 ноября 2003 года он подвергся пыткам со стороны сотрудников милиции, и что эффективное внутреннее расследование этого случая проведено не было. Он сослался на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость

74. Правительство утверждало, что внутреннее расследование жалоб заявителя на жестокое обращение все еще продолжается. По их

¹ Советский генерал, которого в феврале 1945 года нацисты облили холодной водой на морозе и оставили умирать от холода

мнению, поэтому нельзя считать, что заявитель исчерпал все средства правовой защиты, имеющиеся в его распоряжении в соответствии с национальным законодательством, как того требует статья 35 § 1 Конвенции. В этой связи Правительство сослалось решение по делу *Misiak v. Poland* (no. 43837/06, 3 June 2008), в котором Суд отклонил жалобу заявителя на жестокое обращение как преждевременную, поскольку расследование дела еще не было завершено (§ 32).

75. Заявитель не согласился. Он настаивал на том, что внутреннее расследование по его делу было неэффективным, так как продолжалось более семи лет без каких-либо существенных результатов, и что от него нельзя требовать, чтобы он дожидался окончательного результата. В любом случае, заявитель считает, что вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты должен быть присоединен к существу его жалобы на неэффективность расследования.

76. Суд отмечает, что, в соответствии с его прецедентным правом, заявитель освобождается от обязательства использовать неэффективные внутренние средства правовой защиты. Что касается жалобы по статье 3 Конвенции, Суд постановил, в частности, что от заявителя нельзя требовать, чтобы он дожидался окончания расследования, которое признано неэффективным (см. *Lotarev v. Ukraine*, no. 29447/04, § 93, 8 April 2010).

77. Суд отмечает, что, в отличие от настоящего дела, заявитель в деле *Misiak v. Poland*, на которое ссылается Правительство, не утверждал в Суде, что внутреннее расследование его жалоб на жестокое обращение было неэффективным. Соответственно, он должен был дождаться его завершения, прежде чем подавать жалобу в Суд.

78. В данном деле, однако, невозможно установить, действительно ли заявитель имел такую обязанность до рассмотрения по существу его жалобы относительно неэффективности внутреннего расследования.

79. Суд, таким образом, присоединяет это возражение Правительства к существу жалобы заявителя на нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции (см., например, *Lotarev v. Ukraine*, упомянутое выше, § 74, и *Oleksiy Mykhaylovych Zakharkin v. Ukraine*, no. 1727/04, § 50, 24 June 2010).

80. Кроме того, Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции, а также не является неприемлемой по любым другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Жалобы на жестокое обращение

81. Заявитель настаивал, что он подвергся жестокому обращению с применением пыток. Он считает, что это утверждение подтверждается достаточными документальными свидетельствами.

82. Правительство подчеркнуло, что внутреннее расследование еще не пришло к выводу, обоснованы ли утверждения заявителя. Соответственно, они воздержались от выражения мнения по существу данной жалобы, посчитав, что это может предопределить исход текущего расследования.

83. Как Суд неоднократно заявлял, статья 3 Конвенции закрепляет одну из основных ценностей демократического общества. Она запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см., среди прочего, *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). При подаче жалобы в рамках этого положения, Суд должен провести особо тщательную проверку, основываясь на всех материалах, предоставленных сторонами (см. *Matyar v. Turkey*, no. 23423/94, § 109, 21 February 2002, и *Ülkü Ekinci v. Turkey*, no. 27602/95, § 136, 16 July 2002).

84. В данном случае, заявитель утверждал, что сотрудники милиции З. и Т. подвергли его к различным видам жестокого обращения и унижения в ночь с 5 на 6 ноября 2003 года, стремясь получить от него признание в совершении преступления. Он утверждал, в частности, что они били его кулаками и ногами, заставляли его стоять с широко расставленными ногами, пытались вставить дубинку в его анус, и мешали ему дышать, надевая на его голову полиэтиленовый пакет. Заявитель также утверждал, что они раздели его догола, приковали наручниками к радиатору в гараже отделения милиции и поливали его холодной водой.

85. Согласно практике Суда, при рассмотрении заявлений о жестоком обращении применяется стандарт доказывания «вне разумного сомнения». Такое доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, четких и совпадающих выводов или подобных неопровержимых презумпций факта (см. классический пример *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 161, Series A no. 25). Если рассматриваемые события находятся целиком или по большей части в исключительном ведении властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем в заключении, сильная презумпция факта будет возникать в связи с травмами, полученными во время такого заключения. В таком случае на государство возлагается обязательство предоставить удовлетворительные и

убедительные объяснения (*Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII). Следует учитывать, что это обязательство вытекает из международной ответственности государства по Конвенции, которая предполагает методы и стандарты доказательств, отличные от тех, которые применяются в национальных правовых системах в отношении уголовного преследования лиц, с должным уважением их права на презумпцию невиновности (см. *Ribitsch v. Austria*, 4 December 1995, § 34, Series A no. 336, и *Alboreo v. France*, no. 51019/08, § 153, 20 October 2011).

86. Суд отмечает, что, как было установлено тремя медицинскими экспертизами (13 ноября 2003 года, 26 января 2004 и 15 мая 2006 года) и подтверждается фотографиями, сделанными представителем омбудсмана 12 ноября 2003 года, у заявителя имелись многочисленные ушибы и ссадины на лице, руках, ягодицах и ногах, причем самый большой синяк размером 21x20 см находился на внутренней стороне левого бедра (см. пункты 22, 25, 29 и 50 выше).

87. Что касается времени, когда эти травмы были нанесены, вышеупомянутые медицинские экспертизы пришли к выводу, что они могли быть нанесены заявителю 5 или 6 ноября 2003 года. Суд отмечает в этой связи показания нескольких свидетелей, которые видели заявителя в разное время дня 5 ноября 2003 года без травм, и чьи показания не были опровергнуты (см. пункт 46 выше). В то же время, Суд отмечает, что после ареста заявителя не было незамедлительно проведено медицинское обследование, в ходе которого можно было бы документально зафиксировать любые травмы, полученные им к моменту ареста или во время ареста. Основываясь на этих соображениях, Суд приходит к выводу, что заявитель получил данные травмы во время пребывания под контролем милиции 5 и/или 6 ноября 2003 года.

88. Суд не убежден объяснительной запиской заявителя от 6 ноября 2003 года, что он получил травмы в предыдущий вечер вследствие случайного падения, потому что, во-первых, с учетом обстоятельств, его могли заставить написать эту записку, и, во-вторых, правдивость этой записки ставится под сомнение медицинскими заключениями (см. пункты 18, 19, 23 и 31 выше).

89. Суд повторяет, что если лицо было задержано в добром здравии, но имеет травмы в момент освобождения, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение причин травм, в противном случае возникает вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции (см., среди прочего, *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V). Более того, если национальные власти не провели медицинское обследование перед помещением заявителя под стражу, как в данном случае, Правительство не может ссылаться на это упущение в свою защиту и утверждать, что данные травмы были

получены заявителем до его заключения под стражу (см. *Türkan v. Turkey*, no. 33086/04, § 43, 18 September 2008). В этой связи Суд напоминает, что медицинское обследование, а также право на доступ к адвокату и право сообщить третьей стороне о заключении под стражу являются основными гарантиями против жестокого обращения с задержанными лицами, которые должны применяться с самого начала лишения свободы. Это не только обеспечило бы соблюдение прав заявителя, но также позволило бы государству-ответчику выполнить свое обязательство предоставить правдоподобное объяснение телесных повреждений (см. *Korobov v. Ukraine*, § 70, 21 July 2011).

90. Учитывая, что национальные власти в данном случае не доказали, что заявитель получил травмы до своего задержания, а также не смогли объяснить происхождение своих повреждений, они должны нести ответственность за эти повреждения.

91. Этого вывода Суду уже достаточно, чтобы признать нарушение статьи 3 Конвенции, не занимаясь классификацией рассматриваемого жестокого обращения. Однако, учитывая утверждения заявителя, что заявленное жестокое обращение можно приравнять к пыткам, все дальнейшие аспекты жалобы, касающиеся характера жестокого обращения и его основных обстоятельств, должны быть тщательно проанализированы.

92. Что касается того, каким образом заявитель мог получить повреждения, Суд отмечает, что результаты проведенных медицинских экспертиз были следующими: во-первых, врач, осмотревший заявителя 13 ноября 2003 года, пришел к выводу, что его повреждения могли быть вызваны ударами тупых предметов; во-вторых, в отчете от 12 февраля 2004 указывается, с одной стороны, что травмы находились на участках тела, где заявитель мог нанести травмы сам себе, и, с другой стороны, они не могли быть результатом падения заявителя; и, наконец, судебно-медицинская экспертиза от 15 мая 2006 установила, что ссадины на запястьях заявителя могли быть вызваны наручниками, а синяки могли быть результатом ударов руками, ногами или дубинкой (см. пункты 25, 31 и 50 выше). Кроме того, судебно-медицинский эксперт дважды подтвердил во время допроса следственными органами, что заявитель, возможно, получил вышеупомянутые травмы при описанных им обстоятельствах (см. пункты 29 и 33 выше).

93. Соответственно, Суд считает установленным, что на заявителя надевали наручники, а также били его руками, ногами и дубинкой. Суд считает, что неспособность милиции обнаружить эту дубинку почти через три года после событий не имеет в данном случае никакого значения (см. пункт 51 выше).

94. В то же время, Суд отмечает, что у заявителя были и другие жалобы (см. пункты 18 и 84 выше). Остальная часть его жалоб не

подтверждается и не опровергается какими-либо документами. Однако Суд не делает никаких выводов из отсутствия таких доказательств как такового, так как заявитель, возможно, действительно стал жертвой попытки изнасилования дубинкой, временного удушения с помощью полиэтиленового пакета, а также был раздет догола и облит холодной воды, что не оставило никаких следов. В материалах дела нет ничего, что бы опровергало эти утверждения; кроме того, описание заявителем событий, как представляется, согласуется с другими обстоятельствами дела. Так, сотрудники милиции З. и Т. признались, что они находились вместе с заявителем в течение ночи с 5 на 6 ноября 2003 года. Сотрудники милиции, которые доставили заявителя в другое отделение милиции во второй половине дня 6 ноября 2003, показали, что к тому времени у него уже имелись видимые телесные повреждения. Наконец, заявитель дал подробное и точное описание интерьера гаража отделения милиции, где он якобы подвергся жестокому обращению в ночь с 5 на 6 ноября 2003 года (см. пункт 46 выше).

95. Суд не упускает из виду более позднее и необъяснимое изменение описания событий заявителем, данное им национальным следственным органам. Суд отмечает, что почти через шесть лет после заявленного жестокого обращения заявитель сообщил Голосеевскому суду, который рассматривал дело Т. и З., что он обвинил их под давлением со стороны следователя, и что на самом деле он подвергся жестокому обращению в другом отделении милиции, куда он был доставлен во второй половине дня 6 ноября 2003 г., со стороны сотрудников милиции, которых он не запомнил (см. пункт 63 выше).

96. Каковы бы ни были причины изменения заявителем своих показаний, Суд не удовлетворен этими новыми показаниями, которые, кстати, так и не были представлены на рассмотрение Суда. Во-первых, дело рассматривали несколько следователей (см. пункты 26-28 и 48 выше), и утверждение заявителя, что на него оказывалось давление со стороны одного из них, не выдерживает критики. Во-вторых, его первоначальные показания были подробными и последовательными, в то время как новая версия сформулирована весьма расплывчато. Наконец, заявитель явно не желал поддерживать эту новую версию, отказавшись сотрудничать со следствием после того, как сделал это заявление в июле 2009 года (см. пункты 63 и 65-67 выше).

97. В свете всего вышеизложенного, Суд признает жалобу заявителя на жестокое обращение, содержащуюся в его заявлении в Суд, в общем правдоподобной, поскольку она подтверждается документальными доказательствами и поддерживается фактическими выводами.

98. Суд оценит, может ли рассматриваемое жестокое обращение считаться пытками, как утверждает заявитель.

99. При определении, следует ли классифицировать как пытки конкретную форму жестокого обращения, необходимо учитывать закрепленное в статье 3 различие между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Как отмечалось в более ранних решениях, целью такого различия в Конвенции является особое осуждение бесчеловечного обращения, вызывающего очень серьезные и тяжелые страдания (см. *Ireland v. the United Kingdom*, упомянутое выше, § 167).

100. Помимо тяжести обращения, учитывается элемент преднамеренности пыток, согласно Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, статья 1 которой определяет пытку как умышленное причинение сильной боли или страдания с целью, в частности, получения информации, путем наказания или запугивания (см. *Selmouni v. France* [GC], упомянутое выше, § 97, and *Akkoç v. Turkey*, nos. 22947/93 and 22948/93, § 115, ECHR 2000-X). В решении по делу *Selmouni*, упомянутому выше, Суд счел, что строгие стандарты в области защиты прав человека и основных свобод соответственно и неизбежно требуют большей твердости при оценке нарушений фундаментальных ценностей демократического общества (§ 101). В свете такого подхода, Суд постановил, что определенные действия, которые классифицировались в прошлом как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» в отличие от «пытков» могут в будущем быть классифицированы иначе (там же).

101. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что многочисленные повреждения мягких тканей (в общей сложности шестнадцать, максимальный размер – 21x20 см) и многочисленные ссадины, полученные заявителем, хотя и были классифицированы национальными судами как «легкие телесные повреждения», свидетельствуют о тяжести жестокого обращения с ним (см. и ср. *Nikiforov v. Russia*, no. 42837/04, § 46, 1 July 2010). Физическая боль заявителя от побоев, и, возможно, других форм жестокого обращения (см. пункты 93-94 выше), без сомнения, усугублялась чувством беспомощности, стрессом и беспокойством, учитывая, что он подвергся жестокому обращению в ночное время в отделении милиции со стороны профессионалов, которым он не мог сопротивляться. При оценке тяжести жестокого обращения с заявителем также учитывается тот факт, что оно было преднамеренным и имело целью получение от него признания, что он совершил преступление, в котором его подозревали.

102. При таких обстоятельствах, Суд пришел к выводу, что в целом, а также с учетом целей и тяжести жестокого обращения, оно представляло собой пытки по смыслу статьи 3 Конвенции.

103. Таким образом, Суд признает, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее основном аспекте.

2. Эффективность расследования

104. Заявитель утверждал, что внутреннее расследование было медленным и неэффективным. Он считал, что то, что расследование продолжалось более семи лет, свидетельствует об отсутствии желания властей установить истину и привлечь к уголовной ответственности сотрудников милиции, которые его пытали.

105. Правительство утверждало, что имело место быстрое и эффективное реагирование на жалобы родственников заявителя относительно жестокого обращения с ним, первая из которых была подана 11 ноября 2003 года. По мнению Правительства, тот факт, что расследование так и не было завершено, не говорит о его неэффективности, а скорее доказывает, что утверждениям заявителя было уделено должное внимание. Наконец, они утверждали, что сам заявитель не был заинтересован в скорейшем завершении расследования, потому что после освобождения из тюрьмы в августе 2009 года он не сообщил властям о своем месте жительства.

106. Суд подчеркивает, что, когда лицо подает спорную жалобу, что оно подверглось серьезному жестокому обращению со стороны сотрудников милиции в нарушение статьи 3, это положение косвенно требует проведения эффективного официального расследования, способного привести к установлению и наказанию виновных. В противном случае, общий правовой запрет пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания будет, несмотря на его принципиальное значение, неэффективным на практике, и в некоторых случаях позволит агентам государства практически безнаказанно нарушать права тех, кто находится под их контролем (см. *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 102, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII, и *Labita*, упомянутое выше, § 131). Минимальные стандарты эффективности, определенные прецедентным правом Суда, требуют, в частности, чтобы расследование было независимым, беспристрастным и доступным для общественного контроля, и чтобы компетентные органы действовали с должным усердием и оперативностью (см., например, *Menesheva v. Russia*, no. 59261/00, § 67, ECHR 2006-III).

107. В данном случае Суд установил, что государство-ответчик несет ответственность в соответствии со статьей 3 в связи с применением пыток к заявителю (см. пункты 102-103 выше). Жалоба заявителя в этом отношении, следовательно, является «спорной», что означает, что власти обязаны расследовать ее в соответствии с вышеупомянутыми стандартами эффективности.

108. Суд отмечает, что жалобы на жестокое обращение с заявителем впервые были изложены 11 ноября 2003 года его матерью в ее жалобе омбудсмену, и после этого подавались самим заявителем в национальные следственные органы.

109. Тот факт, что заявитель молчал по поводу жестокого обращения с ним в течение шести дней, можно было бы объяснить его письменным заявлением от 6 ноября 2003 года, что у него нет жалоб на действия милиции. В любом случае, эта задержка была незначительной и не никак не мешала расследованию (см. и ср. *Aleksandr Smirnov v. Ukraine*, по. 38683/06, § 59, 15 July 2010).

110. Суд отмечает, что представители омбудсмана смогли встретиться с заявителем незамедлительно, допросить его и сфотографировать его травмы (см. пункты 21-22 выше). Сразу же после их визита заявитель был осмотрен врачом, а через несколько дней он был допрошен следственными органами в связи с его утверждениями о жестоком обращении (см. пункты 25-27 выше). Примерно через месяц было начато уголовное расследование по этому поводу (см. пункт 28 выше). Соответственно, Суд считает, что местные власти отреагировали на жалобу заявителя с необходимой оперативностью.

111. Ход и продолжительность последующего расследования, однако, демонстрируют недостатки, вызывающие сомнения в желании властей установить истину и привлечь виновных к ответственности.

112. Суд отмечает, что расследование длится уже более семи с половиной лет, и не продвинулось дальше рассмотрения дела судом первой инстанции (см. пункты 28, 34 и 70 выше).

113. Суд не забывает о критических замечаниях суда первой инстанции в отношении качества предварительного следствия, что дважды вызывало необходимость направить дело на дополнительное расследование (см. пункты 38 и 47 выше).

114. В то же время, Суд отмечает, что, хотя медицинские свидетельства подтвердили утверждения заявителя еще 13 ноября 2003 года (когда он был осмотрен врачом в первый раз), назначались многочисленные последующие медицинские обследования, и судебно-медицинский эксперт неоднократно допрашивался следователем. Хотя результаты этих дополнительных медицинских экспертиз и допросов совпадали с более ранним заключением, следственные органы продолжали сомневаться в их полноте и точности, как бы стремясь опровергнуть утверждения заявителя, а не объективно установить их достоверность (см. пункты 25, 27, 29 - 31, 33, 39, 49 и 50 выше).

115. Суд также считает сомнительной независимость следователя С., который возглавлял следствие с марта 2006 года до передачи дела в суд первой инстанции в июне 2007 года. Хотя он выразил мнение, что утверждения заявителя относительно пыток были необоснованными,

этот следователь не прекратил производство по делу по причине отсутствия преступления, но признал свое отсутствие беспристрастности и попытался, но безуспешно, отказаться от расследования (см. пункты 53-54 выше).

116. Далее Суд отмечает, что, как видно из обстоятельств дела, начиная с сентября 2007 года судебное разбирательство в отношении обвиняемых сотрудников милиции З. и Т. зашло в тупик из-за отказа многочисленных свидетелей участвовать в процессе. Суд отмечает в этой связи, что почти половина свидетелей, о которых идет речь (десять из двадцати двух), были сотрудниками милиции, и поэтому их присутствие было бы легко обеспечить, если бы власти этого хотели (см. пункт 64 выше). Более того, приостановка разбирательства Голосеевским судом исключительно по причине отсутствия свидетелей кажется неоправданной, учитывая, что отсрочка примерно на четыре года – по состоянию на сентябрь 2007 года и даже больше после этого – неизбежно повлияла на способность свидетелей вспомнить события подробно и точно.

117. Наконец, Суд не упускает из виду изменение заявителем его описания событий и его отказ от всяческого сотрудничества с национальными следственными органами с июля 2009 года (см. пункты 63 и 65-67 выше). Хотя Суд имеет сомнения относительно мотивов заявителя и достоверности его новой версии (см. пункт 96 выше), он отмечает, что к тому времени внутреннее расследование длилось уже почти шесть лет. Отсутствие прогресса в расследовании не может быть объяснено или оправдано исключительно изменением показаний заявителя на такой поздней стадии. В любом случае, обязанность местных властей расследовать правдоподобные утверждения о жестоком обращении со стороны милиции никак не связано с отношением предполагаемой жертвы, а должно быть проведено в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. *Arat v. Turkey*, no. 10309/03, § 43, 10 November 2009).

118. Изложенные соображения дают Суду достаточные основания, чтобы прийти к выводу, что государство не выполнило своего обязательства провести эффективное расследование утверждений заявителя о применении пыток сотрудниками милиции.

119. Таким образом, Суд отклоняет возражение Правительства в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты, которое было ранее присоединено к существу дела (см. пункт 79 выше), и признает, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции также в ее процессуальном аспекте.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

120. Заявитель жаловался, что расследование его жалобы на применение пыток было неэффективным, и, следовательно, противоречило статье 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

121. Суд отмечает, что эта жалоба касается вопросов, уже рассмотренных в пунктах 104-118 выше в рамках процедурного аспекта статьи 3 Конвенции. Таким образом, жалоба должна быть признана приемлемой. Тем не менее, с учетом приведенных выше выводов в соответствии со статьей 3 Конвенции, Суд считает, что нет необходимости рассматривать эти вопросы отдельно в рамках статьи 13 Конвенции (см. *Polonskiy v. Russia*, no. 30033/05, §§ 126-127, 19 March 2009).

III. ОСТАВШАЯСЯ ЧАСТЬ ЖАЛОБЫ

122. Заявитель жаловался, в рамках статьи 5 §§ 1 (с) и 2 Конвенции, что его арест был незаконным и что ему не объяснили причины ареста. Кроме того, ссылаясь на статью 6 §§ 1 и 3 (b), (c) и (d), он жаловался, что судебное разбирательство его дела было несправедливым, и что его осуждение не основывалось на твердой доказательной базе. Он утверждал в этой связи, что суды неправильно использовали показания г-жи М., данные в ходе предварительного следствия, произвольно игнорировали показания нескольких свидетелей, подтверждающих его алиби, и не вызвали на слушания некоторых других свидетелей защиты. Наконец, заявитель жаловался, ссылаясь на статью 13, что не было проведено никакого расследования законности возбуждения против него уголовного дела по обвинению в разбойном нападении в отношении г-жи З.

123. В свете всех имеющихся в его распоряжении материалов, и в той мере, в какой эти вопросы находятся в пределах его компетенции, Суд не усматривает никаких признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Следовательно, эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

125. Заявитель потребовал выплатить ему 20000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

126. Правительство посчитало это требование необоснованным и, в любом случае, чрезмерным.

127. Суд находит, что заявитель подвергся боли и страданиям, которые не могут быть компенсированы исключительно признанием нарушения. Учитывая все обстоятельства дела, и принимая решение на справедливой основе, как того требует статья 41, Суд присуждает выплатить заявителю требуемую сумму в полном объеме, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму.

B. Расходы и издержки

128. Заявитель не выдвинул требований о компенсации ему расходов и издержек. Соответственно, Суд не принимает никакого решения по этому поводу.

C. Пеня

129. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* присоединить возражение Правительства в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты к рассмотрению жалобы заявителя, в соответствии со статьей 3 Конвенции, на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, и отклоняет это возражение после рассмотрения жалобы по существу;

2. *Объявляет* жалобы в отношении жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции, а также отсутствия эффективного расследования этих утверждений, приемлемыми, а оставшуюся часть заявления неприемлемой;
3. *Постановляет*, что заявитель стал жертвой жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении с ним со стороны сотрудников милиции;
5. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать данную жалобу в рамках статьи 13 Конвенции;
6. *Постановляет*:
 - (a) государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 20000 (двадцать тысяч) евро в качестве компенсации нематериального вреда, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму, в переводе в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты;
 - (b) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период, плюс три процентных пункта.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 20 декабря 2011 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердйк
Секретарь

Дин Шпильман
Председатель